

МАТЕРИАЛЫ
IX региональной научно-практической конференции
“Вагановские чтения”,
посвященной 425-летию города Тары

УДК 94(571.13)
ББК 63.3 (2Рос-4Омс)
М34

Редакционная коллегия:

Анцигина Людмила Кирилловна – кандидат педагогических наук, доцент;

Березина Татьяна Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой гуманитарных дисциплин и правоведения Филиала Омского государственного педагогического университета в г. Таре;

Захарова Татьяна Ивановна – кандидат экономических наук, заведующая кафедрой экономики и землеустройства Тарского филиала Омского государственного аграрного университета имени П.А. Столыпина;

Кассал Борис Юрьевич – кандидат ветеринарных наук, доцент, тарший научный сотрудник Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского;

Назарцева Татьяна Михайловна – заслуженный работник культуры РФ, главный научный сотрудник Омского государственного историко-краеведческого музея;

Рыженко Леонид Игоревич – кандидат технических наук, директор ассоциации «Сибирский тракт»;

Соколова Евгения Валерьевна – кандидат исторических наук, заведующая кафедрой гуманитарных, социально-экономических и фундаментальных дисциплин Тарского филиала Омского государственного аграрного университета имени П.А. Столыпина;

Татауров Сергей Филиппович – кандидат исторических наук, заведующий сектором археологии Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН;

Чуркин Михаил Константинович – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Омского государственного педагогического университета;

Шаронова Виктория Геннадьевна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН.

М34 Материалы IX региональной научно-практической конференции “Вагановские чтения”, посвященной 425-летию города Тары (г. Тара, 5–6 апреля 2018 года). – Омск: ООО “Амфора”, 2018. – 552 с.

ISBN 978-5-906985-27-9

Материалы сборника освещают актуальные вопросы истории Сибири, сохранения историко-культурного и природного наследия Тарского Прииртышья и роли музеев в этом процессе, проблемы социально-экономического развития и продвижения туристических услуг в регионе.

Сборник адресован широкому кругу читателей.

© Администрация Тарского муниципального района Омской области, 2018

© Коллектив авторов, 2018

МЕЛКОПОМЕСТНАЯ ШЛЯХТА МИНСКОЙ ГУБЕРНИИ В ТАРСКОЙ ССЫЛКЕ

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ,
номер проекта 17–21–1006*

Польское восстание 1863 г., в отличие от восстания 1830–31 гг., в большей степени затронуло Западный край, а не собственно польские губернии, что нашло отражение в этническом составе ссыльных. Из 38 тысяч сосланных в глубь России повстанцев 38% являлись уроженцами Королевства Польского, 57% – выходцами из Литвы и Беларуси, 5% – из Украины [1, с. 165]. Исследователи отмечают, что облик восставших в Западном крае имел свою специфику. Прежде всего, в регионе более отчетливо проявился дворянский характер восстания [2, с. 221–222].

По мнению властей, большое влияние на распространение в крае мятежа имела так называемая околичная (мелкопоместная) шляхта, представители которой владели приусадебными хозяйствами, но не имели крестьян и поэтому сами обрабатывали свою землю. «Возбужденная проповедями и происками католического духовенства, шляхта эта составляла собою основной элемент польского движения и формирующихся шаек, так что в начале мятежа многие из шляхетских околиц представляли собою не что иное, как разбойничий притон, в котором мятежники находили себе приют, получали необходимые припасы и вместе с ними распространяли в крае грабежи и убийства» [3, л. 9 – 9 об.].

Эти взгляды отразились на стратегии национальной политики в Западном крае после подавления мятежа, а также карательных мероприятиях по отношению к бывшим повстанцам. Сделав ставку на крестьянство, правительство начинает целенаправленные действия по подрыву материального благосостояния и политического влияния местной социальной элиты [подробнее см. 4]. Гродненский, минский и виленский генерал-губернатор М.Н. Муравьев практиковал высылку целых шляхетских околиц, замешанных в противоправительственных действиях, уничтожая тем самым даже само наименование мятежных населенных пунктов.

Репрессиям подверглись также жители околиц Старая Володута и Новая Волдута Игуменского уезда Минской губернии. По данным генерал-майора Ф.И. Рушинова возле деревни Володута часто появлялись «мятежнические шайки», в трех верстах от населенного пункта было произведено нападение на начальника 29 пехотной дивизии генерала-лейтенанта Егора Егоровича Грунта, а в 1 ½ верстах от деревни был открыт «притон мятежников» и найдены доказательства того, что вся деревня доставляла восставшим продовольствие, а в некоторых домах стирали для них белье [5, с. 440].

Жителей мятежных околиц предполагалось водворить в различных округах Западной Сибири, чтобы односельчане не могли контактировать друг с другом. Тем удивительнее тот факт, что 13 шляхетских семей, высланных из этих двух околиц, мы обнаружили на жительстве в небольшом окружном городке Тобольской губернии Таре.

На 1867 г. здесь проживали сосланные из околицы Старая Володута Томаш Бобровский вместе с женой Теодорой, семью детьми, снохой и внучкой, Базиль Бобровский с женой Марцелией, сыновьями Станиславом и Адамом, а также дочерью Евой. В окружении многочисленных родственников в Таре оказались семьи Павла Околова и его дяди Александра Околова, Базиля и Антония Витковских, Петра Константиновича [6, л. 80 об. – 82, 83 об. – 87, 233 об. – 236; 7, с. 25, 51, 129, 269]. Из околицы Новая Володута в Таре проживали Иосиф Цеханович с женой Марцелией и детьми; его родной брат Антоний с женой Праксидой, дочерью и сыном; семьи Флориана и его брата Фелициана Булгака, Ивана Родкевича, Францишека Крачковского и его сына Эдуарда [6, л. 81 об. – 82, 84 об. – 85, 86 об. – 88, 234 об. – 237; 7, с. 92, 313, 474, 600].

Причины этого явления мы можем объяснить лишь отчасти. Большая часть жителей упомянутых околиц была назначена к высылке на водворение в различные населенные пункты Томской губернии (Константиновичи, Цехановичи, Околовы, Булгак, Витковские, Родкевичи и т.д.). В Тобольской губернии они, скорее всего, оказались благодаря указу исполнительной комиссии 1865 г., разрешившему оставлять в Тобольской губернии некоторых из польских переселенцев, предназначенных для водворения в Томской губернии, по причине расстроенного здоровья. Поскольку высылка жителей околиц производилась вместе с членами семей, а маленькие дети и женщины, как правило, тяжело переносили дорогу, подобные случаи не были редкостью. Вторым обстоятельством, изменившим место причисления жителей Старой и Новой Володуды, стало то, что шляхтичи были высланы административным

порядком без лишения прав состояния. Поскольку было невозможно их наделить землей и причислить в сословие государственных крестьян без нарушения принадлежащих им сословных прав, водворение для этой категории политических преступников заменялось ссылкой на жительство, и они переселялись в избранные правительством местности, с учреждением строгого надзора. В данном случае из волостей Тарского округа, шляхетские семьи были переселены в Тару.

Концентрация нескольких больших шляхетских семей придавала тарской колонии польских ссыльных специфический облик. На 80 ссыльных, проживавших в городе в конце 1866 г., приходилось 85 членов семей: 14 жен и 71 ребенок [8, л. 70]. Таким образом, в Таре складывается редкая для сибирских городов ситуация, когда количество членов семей превосходило количество ссыльных. Для примера скажем, что по данным официальной статистики на 1866 г. в городах Западной Сибири на 1762 политических преступника приходилось 345 членов их семей (107 жен и 238 детей), что составляло всего 19,6% от общего числа сосланных в регион повстанцев [8, л. 70, 126, 130]. Кроме того, колония польских ссыльных в Таре оказалась наиболее дворянской, по сравнению с другими окружными городами, и с самой большой концентрацией ссыльных уроженцев Западного края. Однородность польской колонии, семейный статус значительной части ссыльных должны были способствовать выработке особых механизмов групповой адаптации, основанных на семейных узах и земляческих отношениях.

Мы не знаем, как складывалась жизнь ссыльных шляхетских семей в Таре. Обнаруженные делопроизводственные документы лишь зафиксировали бедность польской колонии в Таре. В 1865 г. тобольский губернатор А.И. Деспот-Зенович докладывал генерал-губернатору Западной Сибири А.О. Дюгамелю, что в Таре пользуется пособием 131 человек. Значительное количество лиц, пользующихся пособием, происходит оттого, что в город было назначено на жительство много дворян из числа сосланных на водворение [9, л. 10]. Можно предположить, что возможность сохранить внутрисемейные контакты и земляческие отношения способствовала сохранению идентичности, ограничивала контакты ссыльных с принимающим обществом и препятствовала укоренению ссыльных шляхтичей в Сибири. Это подтверждает тот факт, что в 1866 г., когда императорским указом было разрешено повстанцам, сосланным на жительство без лишения прав, переселиться в губернии европейской России, ссыльные жители околлиц Старые и Новые Володуть все вместе выбирают для переселения относительно

близкую к Сибири Саратовскую губернию, с мягким климатом, видимо, рассчитывая и далее сохранить свой локальный мир. Когда власти исключили Саратовскую губернию из числа местностей, определенных для переселения польских ссыльных, поскольку там уже проживало много поляков и была католическая епархия; шляхтичи переориентировали свой выбор на Тамбовскую губернию, сохранив единодушие в выборе направления переезда.

Нам не известно, удалось ли осуществить задуманное, но, по данным библиографического словаря Д.Ч. Матвейчика, практически все рассматриваемые нами семейства после получения амнистии смогли вернуться на родину, более того, большая их часть снова проживала в деревне Володута. Выехал из Тары, не пожелав отделяться от земляков, Павел Околов, похоронивший в Таре в октябре 1866 г. свою супругу Юзефу [10, л. 32]. Вернулся в родные края Томаш Бобровский, сын которого Михаил закончил тарское уездное училище и пытался поступить в число казенных воспитанников Омской военной гимназии, но безуспешно, так как набор католиков в гимназию был прекращен в связи с превышением утвержденной правительством нормы [11].

По мнению исследователей, даже столь краткое пребывание жителей Западного края в Сибири отразилось на их последующих предпочтениях в определении направления добровольных миграций в конце XIX — начале XX вв. «Те же, кто уже побывал в Сибири в ссылке, лучше ориентировались в возможностях устройства в далеком и суровом крае. У многих из них там уже жили родственники и знакомые, на помощь которых они могли рассчитывать», — отмечали А.А. Крих и С.М. Токть [12, с. 318]. Это подтверждает следующий пример. В 1890 г. в Беличанской волости Игуменского уезда 43 крестьянских хозяйства высказали желание переселиться в Сибирь. Местные власти отмечали их незавидное имущественное положение, недостаточное для переселения и обустройства в Сибири, и подчеркивали, что желание переселиться было вызвано «ложными слухами», которые распускали дворяне околицы Володуды Антон Бобровский, Петр Моравский и Виктор Скуратович [13, с. 54–55]. Скорее всего, Антон Бобровский был сыном упомянутого выше Томаша Бобровского, сосланного вместе с семьей в Тару. Детские воспоминания (на 1867 г. Антону было 7 лет) делали переселение в Сибирь привлекательной альтернативой бедственному проживанию в Минской губернии. Видимо, то же самое можно сказать о Петре Моравском и Викторе Скуратовиче, во всяком случае, несколько семей с такими фамилиями

были высланы после восстания 1863 г. из Володуды в Томскую губернию [7, с. 404, 529].

В 1893 г. в Тарском округе переселенцами Борисовского и Игуменского уездов Минской губернии был основан поселок Уразаиский, впоследствии переименованный в Минск-Дворянск. Среди его жителей историки снова обнаруживают шляхетские семьи из Володуды, в том числе Петра Моравского, Виктора Скуратовича, Антона Скуратовича и Адольфа Константиновича, и вновь отмечают их стремление к сохранению земляческих связей и культурной идентичности [12, с. 319].

История околиц Старая Володута и Новая Володута демонстрирует удивительную устойчивость шляхетского локального мира, несмотря на деструктивную политику власти в Северо-Западном крае после восстания 1863 г. и насильственное переселение жителей околиц в Сибирь. Можно предположить, что именно семья стала действенным механизмом консолидации общества в критических жизненных ситуациях, укрепив культурную идентичность, земляческие связи и эмоциональный комфорт как на родине, так и в Сибири.

1. Заштовт, Л. Депортации и переселения польского населения из Западных губерний вглубь Российской империи после Январского восстания 1863 – 1864 гг. // Польская ссылка в России XIX–XX веков: региональные центры – Polscy zesłańcy w Rosji XIX–XX stuleciu: ośrodkiregionalne. – Казань: Мастер Лайн, 1998. – С. 165 – 169.

2. Зайцев, В.М. Социально-сословный состав участников восстания 1863 г. (Опыт статистического анализа). – М.: Наука, 1973. – 232 с.

3. ГИАОО (Государственный исторический архив Омской области). Ф. 3. Оп. 13. Д. 18465.

4. Долбилов, М. Культурная идиома возрождения России как фактор имперской политики в Северо-Западном крае в 1863–1865 гг. // AbImperio. – 2001. – № 1–2. – С. 227–268.

5. Восстание 1863 года: материалы и документы. Восстание в Литве и Белоруссии 1863–1864 гг. / ред. кол.: В. Дьяков [и др.]. – М.: Наука, 1965. – С. 440.

6. ГИАОО. Ф. 3. Оп. 5. Д. 7601.

7. Матвейчык, Д.Ч. Уздэльнікі паўстання 1863–1864 гадоў : біяграфічнага слоўнік : (паводлематэрыялаўНацыянальнагагістарычнагаархіваБеларусі) / Д. Ч. Матвейчык. Мінск : Беларусь, 2016. – 735 с.

8. ГИАОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 5769.

9. ГИАОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 6314.

10. ГИАОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 5745.

11. ГИАОО. Ф. 3. Оп. 5. Д. 7581.

12. Токть, С. М., Крих А.А. Минская шляхта в Беларуси и Сибири // Вестник Омского университета. – 2012. – № 2. – С. 315–321.

13. Кохнович, В. А. Особенности хозяйства и социального состава переселенцев из Минской губернии конца XIX в. // Российские и славянские исследования : науч. сб. – Мн.: БГУ, 2014. – Вып. 9. – С. 50–60.

УДК 71(571.13)

Носкова В.Н., г. Тара

ИСТОРИЯ ТАРСКОГО ГОРОДСКОГО САДА В 1920–1930-Е ГОДЫ

Среди архитектурных памятников г. Тары значатся два полукаменных дома купцов Щербаковых, расположенные на ул. Александровской и ныне входящие в комплекс Парка культуры и отдыха. До революции этот зеленый уголок тарчане называли «Щербаковским садом», так как заложил его на своей усадьбе, предположительно, в 60-е гг. XIX в. Иван Ефимович Щербаков – владелец салотопенного, свечного, винокуренного заводов, городской голова, открывший его для публичного пользования.

Об этом писал в своих работах к.и.н., исследователь тарского купечества А.А. Жиров [1, с. 90; 2, с. 150]. Упомянул сад Щербаковых в книгах историков Ю.М. Гончарова, А.Р. Ивонина [3, с. 192] и Д.А. Алисова [4, с. 158]. Впечатления о саде Тары выразил в своих записках писатель Н.Д. Телешов, посетивший наш город в 1894 г. [5, с. 126]. В 2014 г. в Таре побывали потомки купцов Щербаковых из Москвы, они предоставили материалы о семье «Из воспоминаний Николая Щербакова», вошедшие в 2015 г. в альманах «ТарЯне», в которых праправнук основателя династии описал сад на усадьбе начала XX в. [6, с. 38]. Дома Щербаковых с садом запечатлены на почтовой карточке 1914 г., хранящейся в фонде Тарского историко-краеведческого музея. Парк, как элемент архитектурно-планировочной среды г. Тары советского периода, рассматривает в своих работах к.и.н., зав. кафедрой ТФ ОмГАУ Е.В. Соколова [7; 8]. Обобщающей публикацией по этой теме является статья автора данного исследования «В городском саду играет...», опубликованная в районной газете «Тарское Прииртышье» 16 сентября 2004 г. Наименее освещенной в упомянутых источниках является деятельность сада в 1920–1930-е гг. Восстановить историю сада г. Тары этого периода – цель исследования.